

МОДУСНАЯ СЕМАНТИКА И СУБЪЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Статья посвящена проблеме модусной семантики и ее роли в процессе конструирования семантического мира дискурса. Выделены основные виды модуса, когнитивный и коммуникативный, регулирующие процесс смыслообразования, обоснована роль позиции субъекта высказывания в этом процессе.

Ключевые слова: модус, дискурс, когнитивное употребление языка, коммуникативное употребление языка, ситуация, субъектная функция.

Современная парадигма науки о языке определена интересом к языковой деятельности, источником которой является активность говорящего субъекта, а движущей силой – разнообразные способы использования языка. Языковой субъект, обладающий когнитивной, языковой и интерактивной компетенцией, вступает в общение, реализуя в акте высказывания разнообразие модусов, несущих информацию о конструктивной *«режиссуре»* языковой интенции [9:90]. В связи с этим одной из требующих решения задач становится определение приемов и способов, с помощью которых осуществляется подобная режиссура, выявление условий, при которых она оказывается не только возможной, но и успешной. Об одном из условий благоприятного протекания процесса смыслообразования, связанном с движением модусов, пойдет речь в последующем изложении.

Представление о модусе как *«способе употребления знака»* («операционном модусе») позволяет отнести его к фундаментальным категориям языковой деятельности. Понимание природы модуса предполагает обращение к «ситуации», получающей определение в универсальной прагматике как «выделяемый в жизненном мире фрагмент, очерчивающий область тематизируемых объектов и позволяющий участникам общения реализовать «актуальную потребность во взаимопонимании» [8:201]. Основой взаимопонимания становится, согласно Ю. Хабермасу, *система отсчета*, состоящая, как минимум, из трех миров: формального концепта мира, социального мира интеракций, объективного положения дел. Речевому действию в этом процессе предстоит выполнить три основные функции: *репрезентативную* (представления «обстояния вещей»), *коммуникативную* (обеспечения межличностных свя-

зей), *экспрессивную* (манифестации переживаний).

В этом функциональном комплексе ситуация действия становится одновременно ситуацией речи, в которой действующие лица попеременно принимают на себя роли говорящего, адресата и соприсутствующих лиц. Принимая решение относительно того или иного действия, говорящий делает выбор между когнитивным, интерактивным и экспрессивным модусом употребления языка, с каждым из которых связано представление об истинности, правильности или правдивости (конвенциях общения). В процессе выбора модусов реализуется возможность рассматривать всякое осмысленное языковое выражение как доступное наблюдению событие (*когнитивный модус*). Когнитивное (некоммуникативное) употребление требует прояснить отношение между предложением и «положением дел» (в терминах интенций, пропозициональных установок, направлений адаптации). *Коммуникативный модус* направлен на достижение взаимопонимания и распадается на три основных отношения: выражая свое мнение, говорящий налаживает коммуникацию с членом той же языковой общности и говорит ему о чем-то, имеющим место в мире. Выделенные отношения создают среду, в которой возникает и существует каждое новое высказывание. Участие в процессе коммуникации требует принятия различного вида установок, перформативной, объективирующей (позиции третьего лица), правилосообразующей (позиции второго лица), экспрессивной (позиции первого лица) [8:42].

Свойственному универсальной прагматике широкому пониманию модуса как способа употребления языковых знаков, или операционного модуса, противопоставлено более узкое, логическое понимание, связывающее его с с-

мантикой предикатов. Отечественным логическим анализом область модусов рассматривается как область прагматических (недескриптивных) значений, специфика которых состоит в том, что они подлежат интерпретации. Особенность модусных значений заключается в том, что в них находит отражение отношение между действительной моделью и ее идеализированной сущностью, их первичной функцией является связывание действительного мира и мира сознания [1:59]. Модус полагания связывает, кроме того, физический мир и мир нравственный, охватывая область недескриптивных значений и используя в качестве опоры определенную шкалу понятий, что придает модусной семантике параметрический и градуальный характер, отсылающий к выбору, совершаемому адресантом, и фактору нормы.

Содержательная характеристика категории модуса включает, таким образом, способ, каким сознание говорящего воспринимает и отражает действительность. В терминах теории семантики категория модуса получает описание как *«установка»* (интенциональное состояние) в противопоставлении пропозиции (пропозициональному отношению). Глубину модусных значений создает отнесенность сообщения к субъекту коммуникации и отнесенность диктума к субъекту суждения, т.е. речь идет о содержании целостного речевого акта и глаголах, составляющих содержание установки, в чем обнаруживается двойственность субъектной семантики, объединяющей субъект модуса и субъект диктума в одной позиции. Объем модуса и его способность насыщаться эмоциональными и оценочными значениями придают высказыванию с эксплицитным модусом характер акта коммуникации и одновременно поступка. Эксплицитный (обособленный) модус выделяет прагматическую ориентацию действия: расположение в инверсии по отношению к диктуму выдает его принадлежность к структуре ответа, объединяющей позиции обоих участников коммуникации [1:107].

Модусная семантика выявляет существование, кроме *онтологического* аспекта, связанного с миром, аспекта *эпистемического*, относящегося к знанию о мире, сферы жизни, с которой связана оценка и которая сближает события и факты [1:40]. Так, в теории установок Й.Барвайза и Дж.Перри (Theorie der

Einstellung) семантика предиката получает определение как «визуальные», «эпистемические», «доксические» альтернативы, служащие разграничению «возможных миров» [10:135]. Базовым пространством, в котором совершается развитие эпистемических смыслов, является пространство перцептивных глаголов, особенность которых заключается в том, что их субъект совмещает две роли, субъекта восприятия и субъекта ментального действия.

Различие в подходах универсальной прагматики и логического анализа не должно скрывать очевидного единства мнений в понимании модусов как регуляторов процесса смыслообразования. Именно эта сфера дискурсивной семантики связана с выбором субъекта, обеспечивающим максимально благоприятные условия для достижения коммуникативных целей высказывания. В сфере модусной семантики представлено значительное разнообразие возможностей для адаптации высказывания к социальному и коммуникативному контексту, в которых оно формируется. Основные значения эксплицитного модуса распределены по различным планам: *перцептивному* (модусы чувственного восприятия, выраженные глаголами видеть, чувствовать, замечать, слышать и т.п.), *ментальному* (модусы полагания, сомнения и допущения, оценки, истинности, знания/незнания, аксиологической оценки), *эмотивному* (модусы эмоционального состояния и отношения) и *волеизъявительному* (модусы желания, волеизъявления и необходимости), в реализации которых могут выступать ментальные, перцептивные и коммуникативные глаголы. Реализация собственной валентности и связь с модальным глаголом позволяет этим глаголам участвовать в процессе «имперсонализации» (объективации), будучи использованы по отношению к разным лицам, они участвуют в процессе «субъективизации» (в чем получает отражение роль контекста).

Модусная семантика включает еще одно категориальное значение, значение *эвиденциальности*, которое в широком понимании включает в себя эпистемическую модальность, а в узком смысле противопоставлено модальной маркировке локутивной позиции, речь идет о данных, об источнике информации [11:38]. Эвиденциальность получает выражение в формах времени (имперфекта), являясь прагмати-

ческим феноменом с грамматическим эффектом. Связь перспективизации, временных форм и аспекта с категорией эвиденциальности выводит проблему в область прагматики, указывая на накопление признаков в определенных участках сообщения (зависимость аспектуальности, эвиденциальности, темы, нейтрализации временного значения и использования дейксиса от типа текста).

Создаваемые в процессе выбора модусов ментальные модели действительности получают определение как «возможные миры», т.е. альтернативные способы представления действительности, выбор которых обусловлен установкой говорящего субъекта или наблюдателя [6:27]. Понимание «возможных миров» как языковых моделей действительности выделяет факт языковой онтологии, связи референции не со структурами человеческой психики, а с реально зафиксированными в языке в форме языковых выражений объектами, какими являются ситуации (миры), факты и события. Если фактообразующее и событийное значения получают репрезентацию в пропозициях и неполных номинализациях, представлению ситуации (возможного мира) служит система ориентации субъекта и связанная с ней совокупность грамматических и лексических средств выражения пропозициональных установок (время, модальность, дейксис).

Возможность видеть в грамматических значениях средства выражения «установок» означает их понимание в качестве операторов, служащих реализации отношений внутри неограниченного множества «возможных миров». Так, связь темпоральной референции с дейктическим контекстом позволяет Дж. Лайонзу видеть во временных формах глагола продукты грамматикализации соответствующей дейктической темпоральной референции. Дейктическое понимание времени позволяет представить эту грамматическую категорию как способ обозначения момента или интервала времени, получающий определение относительно момента высказывания, изменяет традиционное понимание времени как морфологической категории и позволяет представить ее в качестве категории предложения, что доказывается наличием в высказывании сентенциальных частиц.

Связь темпоральной референции с дейктическим контекстом указывает на существование суперкатегории, названной Дж. Лайонзом ка-

тегорией «индексальности», значения которой получают реализацию в разветвленной системе языковых средств с дейктической функцией. Дейксис определяет способы использования других языковых категорий, в том числе и модальности, получающей описание как способ квантификации предиката [5:354]. С помощью модальных глаголов, прилагательных и частиц эти значения включаются в пропозициональное содержание.

Прагматическая концепция семантики предоставляет, таким образом, доказательства того, что высказывание создается, кроме пропозиционального и иллокутивного, пластом субъективной семантики, в котором находят отражение стратегии субъектов общения. Выделение в семантике высказывания значений, связанных с деятельностью субъекта, демонстрирует возможность использования лексических и грамматических ресурсов языка для представления в виде пропозиций не пропозиционального по своей природе содержания.

Способность целого ряда грамматических категорий и лексических выражений включаться в процесс выражения разного рода имплицитных значений свидетельствует о действии в высказывании так называемого «принципа релевантности» (К.Бюлер), означающего, что языковые операции управляются законами более глобального свойства, регулирующими коммуникативно-познавательную деятельность индивидуумов. Это позволяет обратиться к функциям языковых категорий в глобальном процессе формирования смысла высказывания. Исследованная Дж. Лайонзом суперкатегория индексальности может быть дополнена еще одной дискурсивной (супер)категорией, которая может быть определена в соответствии с существующей традицией как «**субъект высказывания**».

Традиционное наименование не означает сохранения прежних представлений об этой категории. Позднейшие исследования показывают, что речь идет об особой локутивной позиции, исследование которой предполагает обращение к феномену полисубъектности. Обозначаемые психологией испостаси «говорящего субъекта» – «языковая личность» со свойственной ей совокупностью знаний и представлений индивидуумов о речевой деятельности [3:5], стратегически действующая «речевая лич-

ность», «коммуникативная личность», участвующая в конкретном речевом акте [4:50] – представлены в языковом процессе дискурсивной категорией «*субъекта высказывания*».

Выделением данной категории наука о языке обязана генетически раннему направлению дискурсивного анализа, антропологической эпистемологии, в которой дискурс рассматривается как множество различных «позиций субъективности» [7:95]. Субъекты высказывания рассматриваются М. Фуко как необходимые для развертывания процессов дискурсии ориентиры, образующие своего рода «конструктивные точки» смысла. Само высказывание, согласно Фуко, есть «функция существования», принадлежащая собственнo знакам и служащая определению того, порождают ли они смысл. Субъект высказывания получает в дискурсивной перспективе определение как *функция*, которая не одинакова для двух разных высказываний, и, поскольку это – «пустая функция», она способна наполняться до некоторого предела в процессе употребления языка.

Процедура определения субъекта высказывания исследуется как дискурсивный процесс, глубинный смысл которого состоит в «превращении пропозиции в высказывание» [7:19]. В языковом оформлении «субъекта высказывания», находит отражение совершенный языковым субъектом выбор «способа говорить о чем-либо», т. е. выбор локутивной позиции. В нем, как в базовом параметре дискурса, сходятся, тем самым, множество «нитей», связывающих событие общения с миром сознания и социально-коммуникативным универсумом, что придает субъекту высказывания качество репрезентанта «*образцов интеракции*», свойственных дискурсивной практике. Окончательное определение субъекта высказывания получает в «сети референций», связывающей разные уровни организации коммуникативного события.

Лингвистическую трактовку языковых оснований, обозначенных М. Фуко процессов, предлагает диалогическая грамматика Г. Вайнриха, в которой обосновывается факт принадлежности субъекта одновременно нескольким структурным уровням (*вертикальное измерение* субъектной семантики) [12:108]. Позиционные характеристики грамматического субъекта в качестве обязательного элемента диспозиционной структуры, его положение либо в пре-

позиции, либо в средней позиции или постпозиции дополнено ролью субъекта в семантической структуре в качестве одного из актантов, заполняющих основные вакансии в глубинной структуре (агенса-пациенса). Высший уровень организации высказывания, его прагматическая структура, предполагает, по Вайнриху, существование особых коммуникативных ролей.

Между уровнями существуют, согласно Вайнриху, отношения гомологии, определяемые степенью референтной устойчивости коммуникативных ролей и ролей деятеля и дающие ряд возможных комбинаций. Первая из выделенных Г. Вайнрихом пар содержит субъект речи и агенса, вторая включает коммуникативную роль субъекта речи и актантную роль пациенса, третья комбинация соответствует положению субъекта речи в позиции объекта в синтаксической структуре. Следующая комбинация коммуникативных ролей и актантов включает перспективу слушающего в позиции субъекта, в следующей паре слушатель располагается в синтаксической позиции пациенса. Отношение слушатель/объект представляет мир в перспективе воспринимающего субъекта, отличающегося от созидającego сознания, в то время как отношения между референтом и синтаксическими ролями располагаются полностью в плоскости глубинного и поверхностного синтаксиса. Между семантическими и коммуникативными ролями субъекта обнаруживается асимметрия, так субъект речи может занимать в глубинной структуре высказывания объектную позицию.

Возникающая в итоге сложная сеть функций предполагает существование определенных «точек интеграции», способных служить целям объединения структур в единое целое. В грамматике Г. Вайнриха с ее идеологией интерсубъективности в качестве «*базиса детерминации*» выступает субъект, определяемый предикатом как детерминирующим элементом. Доказательством этого тезиса служат следующие аргументы: а) наличие субъекта как актанта обязательно для большинства глаголов, исключение составляют глаголы со свободной субъектной валентностью (*mich friert*); б) финитный глагол вступает в конгруэнтную связь только с субъектным актантом; в) финитный глагол образует с субъектом связку, в которой детерминирующей силой обладает глагол и которая приобретает статус предикации. Предикат

включает субъект в структуру аргументации, вовлекая его, тем самым, в «аргументативную игру» участников общения, образующую своего рода «дискурс в миниатюре».

Выход в *горизонтальное измерение* семантики отражает перераспределение информации в зависимости от намерения говорящего, что находит отражение в «информационном профиле» текста, комплексной структуре, принадлежащей высшему уровню организации целого и детерминирующей своим строением структуры отдельных высказываний [12:33]. Признавая достоинства концепции Г. Ванриха, мы считаем, тем не менее, целесообразным использовать для исследования процесса управления вниманием читателя динамичный дискурсивный метод. Этот метод позволяет сконцентрироваться не на конечной статичной структуре, а на способах представления событий, на том, как движение модусов, отражающее изменение коммуникативно-познавательной установки говорящего субъекта, способно менять смысл сказанного. В этом случае, действительно, возможно говорить о регулировании процесса смыслообразования, так как участие в нем не только адресанта, но и адресата возможно лишь при наличии доступного обоим участникам общения операционального инструментария.

Исследование дискурсивных процессов предполагает, на наш взгляд, учет двух существенных моментов. В вертикальное измерение сложного целого представляется целесообразным включить еще один уровень, *интенциональный*, отражающий изменения в способах представления событий и предполагающий использование языковых категорий с модусной семантикой. Включение в описание дискурсивных процессов модусной семантики позволяет выделить условия и варианты комбинирования когнитивных и коммуникативных модусов. Разграничение структуры действия и структуры коммуникации и связанных с ними субъектов модуса и диктума позволяет рассматривать позицию субъекта высказывания как совокупность функций. Структура действия определена выбором либо деятеля (субъекта диктума), либо субъекта пропозициональной установки (субъекта модуса), структура коммуникации предполагает определение коммуникативной перспективы изложения как принадлежащей говорящему, слушающему или наблюдателю. В

интенциональной структуре высказывания нами выделены когнитивные перспективы субъекта восприятия и субъекта рефлексии с разновидностями, определенными временными векторами в прошлое и в будущее.

Примером модели, созданной комбинацией коммуникативных и когнитивных перспектив, может быть модель, созданная коммуникативной перспективой субъекта речи и когнитивной перспективой субъекта восприятия [Ssp + Srez], использование которой имеет целью представление событий в актуальном модусе (подробнее в [2]). Определенная статичность и описательность, свойственные ситуации восприятия, не исключают динамики, привносимой движением сознания субъекта, его внутренним взаимодействием с описываемыми событиями, находящимися отражение в оценке и коннотациях. Использование языковых средств с перцептивной и эмотивной семантикой, преобладание пространственных дейктических указаний определяет своеобразие репрезентативного плана перцептивной модели, выделяющей связь «положения дел» с воспринимающим сознанием. Модель с актуализованной ситуацией восприятия используется как в акте рассказывания, так и в настоящем персонажа. Статус субъектов поддерживается контекстом, созданным глагольными формами в настоящем времени, изъявительном и повелительном наклонениях. Включение «ситуации восприятия» в план «истории» сопровождается использованием «знаков нарративности» (претерита) и нейтрализацией перцептивного модуса. Модусы служат тем самым формированию своего рода функциональных комплексов, выступающих в качестве алгоритмов вербального поведения в определенных дискурсивных практиках.

Интенциональный уровень является одновременно основным параметром горизонтального измерения дискурса, так как движение модусов может получить освещение как последовательное выполнение операций, связанных с выбором тех значений, которые отвечают целям успешного взаимодействия в каждой фазе развертывания дискурсивного смысла. В дистанцированной коммуникации движение модусов выступает как средство регулирования и управления вниманием адресата.

Подводя определенные итоги сказанному, мы можем утверждать, что исследование кате-

гориальных оснований дискурса и создающихся в дискурсии функциональных комплексов открывает новые возможности для понимания процессов языкового синтеза. Феномен «поли-субъектности» свидетельствует одновременно о том, что речь идет не только о способах связы-

вания отдельных аспектов когнитивного плана, но и о направлениях внутренней детерминации, определяющей характер интегративных отношений, создающих комплексное коммуникативное событие, дискурс.

10.10.2011

Список литературы:

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
2. Данилова, Н.К. Референционная динамика повествовательного дискурса: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.филол.н. – Волгоград, 2005. – 52 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.
4. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
5. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика. – М.: Языки славянской культуры. – 2003. – 400 с.
6. Переверзев, К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. – М., 1998. – №5. – С. 24–52.
7. Фуко, М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
8. Хабермас, Й. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб: Наука, 2000. – 377 с.
9. Шмидт, З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 89–108.
10. Barwise J., Perry J. Situationen und Einstellungen. Grundlagen der Situationssemantik. – Berlin – New York: Walter der Gruyter – 1987. – 430 s.
11. Hassler, Gerda Texte im Text. Untersuchungen zur Intertextualitaet und ihrer sprachlichen Formen. – Muenster: Nodus Publikationen – 1997. – 204 s.
12. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Grammatik. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich, 1993. – 1111 s.

Сведения об авторе: **Данилова Нина Константиновна**, профессор кафедры немецкой филологии Самарского государственного университета, доктор филологических наук
443011, г. Самара, ул. Потапова, 64/163, корп. 4, ауд. 412, (846) 9283648, e-mail: danilova_nina@mail.ru

UDC 43

Danilova N.K.

Samara state university; danilova_nina@mail.ru

MODE SEMANTICS AND THE SUBJECT OF UTTERANCE

The paper is devoted to the problem of mode semantics and its role in the process of constructing the discourse semantic field. The main types of discourse, cognitive and communicative, which regulate the process of meaning creation, are singled out; the role of the position of the subject in this process is explained.

Key words: mode, discourse, cognitive use of language, communicative use of language, situation, subject function.

Bibliography:

1. Arutjunova, N.D. Types of Language Meanings. Evaluation. Event. Fact. – Moscow, 1988. – 339 p.
2. Danilova, N.K. Reference Dynamics of Narrative Discourse: Dissertation autoabstract. – Volgograd, 2005. – 52 p.
3. Karaulov, J.N. The Russian Language and Language Personality. – Moscow, 1987. – 264 p.
4. Krasnykh, V.V. Friend or Foe: myth or reality? – M., 2003. – 375 p.
5. Lions, G. Linguistic Semantics. – M., 2003. – 400 p.
6. Pereversev, K.A. Utterance and Situation: ontological aspect of linguistic philosophy // Voprosy Yazikoznaniya. – M., 1998. – №5. – P. 24–52.
7. Foucault, M. Archeology of Knowledge. – Kiev, 1996. – 208 p.
8. Habermas, J. Moral Conscience and Communicative Action. – St.P., 2000. – 377 p.
9. Schmidt, Z.J. "Text" and "Story" as the Basic Categories // Novoye v Zarubezhnoy Lingvistike. Volume 8. Linguistics of Text. – Moscow, 1978.
10. Barwise J., Perry J. Situationen und Einstellungen. Grundlagen der Situationssemantik. – Berlin – New York: Walter der Gruyter, 1987. – 430 s.
11. Hassler, Gerda Texte im Text. Untersuchungen zur Intertextualitaet und ihrer sprachlichen Formen. – Muenster: Nodus Publikationen, 1997 – 204 s.
12. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Grammatik. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zurich, 1993. – 1111 s.